

УДК 81'373.7
ББК 81.0

Н.Ф. Алефиренко

ФРАЗЕМОСЕМИОЗИС КАК ПРОЦЕСС ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемы порождения и интерпретации идиом, связанные с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся в когнитивно-деривационной базе фразеобразования. Проводится мысль о том, что дознаковой стадией процесса семиозиса и понимания фразем является когнитивная модель, которая предшествует не только формированию семантической структуры фраземы, но и её восприятию. Поскольку когнитивная модель фраземосемиозиса является схемой воплощения дискурсивного *смысла*, а сам дискурс – формой его косвенно-производного существования, назрела необходимость показать, как когнитивно-дискурсивные механизмы фразеобразования связаны с предзнаковыми формами накопления и хранения смысла.

Ключевые слова: предзнак, УПК (предметно-изобразительный код), ментальная модель, внутренняя форма, гештальт, знак, фразема.

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-50-73

Алефиренко Николай Федорович – докт. филол. наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник профессионального образования РФ, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
Тел.: +7906-606-03-22
E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

© Алефиренко Н.Ф., 2017.

Фраземосемиозис – понятие неоднозначное в связи с обыденным отождествлением семиозиса с тем разделом семиотики, который занимается проблемой знакообразования. Однако термин *семиозис* изначально ориентирован также на обозначение процессов интерпретации знака, а также деятельность знака по производству своей интерпретанты, поскольку ещё в трудах древнегреческих ученых он означал истолкование различных симптомов. Речемыслительные механизмы фраземосемиозиса, – пожалуй, наименее исследованная область и фразеологии, и лингвокогнитивистики, что объясняется сложно постижимой природой фраземы с точки зрения взаимной детерминации косвенной номинации и познания [Телия, 1966]. Под фраземосемиозисом в данной работе понимается речемыслительный процесс, ведущий к возникновению знаков косвенно-производной номинации – фразем (в европейской терминологии *фразема* = *идиома*) [Можалина, с. 680; Fink, Kovacevic, Hrnjak, 2010]. Исходной гипотезой служит предположение о том, что природа косвенно-производной номинации [Декатова, с. 146] обусловливается сопряжением ассоциативно-образного и дискурсивного мышления, запускающего механизмы лингвокреативной (как правило, косвенно-производной) деривации. Разумеется, это предположение, вытекающее из ранее полученных сведений [Алефиренко, 2008], нуждается в дополнительных размышлениях о сущности косвенно-производной номинации, ассоциативно-образном

и дискурсивном мышлении. И это притом, что в дериватологии сформировался целый раздел, посвященный фразеобразованию¹. Дело в том, что первые исследования, направленные на раскрытие тайн образования фразем, были выполнены в русле структурно-семантического подхода (см.: [Гвоздарев, 1977; Ермакова; Николаева, 2006; Соколова; Телия, 1973; Щукина, 2012, с. 110]). Вторая группа учёных предприняла попытку совместить структурно-семантический анализ с выявлением этимологических и экстралингвистических (прежде всего культурологических) стимулов фразеобразования [Мокиенко, 1980; Каплуненко, 1985, с. 98; 1990, с. 3; Eismann, 1998; Bragina, Oparina, Sandomirskaya, 1998; Телия, 1999]. В начале XIX в. появился интерес к исследованию когнитивных механизмов идиоматизации [Алефиренко, 2008; Даниленко, 2009; Молчкова, 2012]. В 2008, 2010 и 2013 гг. в Белгородском университете (Россия) этой проблеме были посвящены три международных конференции [ИКЛ, 2008; ФПК, 2010; КФ, 2013]. Они побудили учёных к обсуждению вопросов порождения фразем, связанного с мотивами выбора и комбинирования фразеобразующих единиц [Jakor, Tomazin, 2013]. На мой взгляд, первоочередного внимания заслуживают, как минимум три вектора: а) интенционально обусловленное возникновение фразеопорождающего концепта, б) определение типа семантических преобразований, в) конфигурация разноуровневых выразительно-изобразительных средств для оформления означающего знака-идиомы.

Речемыслительная востребованность фразеопорождающего концепта определяется дискурсивной ситуацией; тип семантического преобразования фразеобразующих компонентов – диапазоном ассоциативно-образных связей лингвокреативного мышления; сам фраземосемиозис – сопряжением номинативной о познавательной деятельности человека [Ушакова, 2006, с. 14]. Поскольку в современной лингвосемиотике сосуществуют две теории знака, уточним, что в нашей концепции фраземосемиозиса фразема является двусторонней единицей языка. В силу своей косвенно-производной *лингвокреативности* фразема – знак билатеральный (вне единства содержания – десигната и формы – десигнатора он ни функционировать, ни восприниматься не может). Поэтому процесс фразеобразования предполагает семиотически значимые преобразования прототипического словосочетания: одной из его сторон (формы или содержания), либо обеих. Разумеется, чтобы процесс идиоматизации завершился и фразема стала реальным знаком, необходим опознаваемый асимметрический дуализм её структуры: десигнатор такого знака косвенно-производной номинации должен выражать ассоциативно-смысловое содержание означаемого (десигната). Это необходимо также для оформления парадигматических связей фраземодеривата. Идиомы с одним десигнатом, но разными десигнаторами образуют синонимы ('неожиданно, внезапно': *как снег на голову – как из-под земли*). Идиомы с разными десигнатами и одним десигнатором – омонимы (*тянуть за уши* – неодобр. 'прилагая множество усилий, помогать в учебе'; *протянуто за уши* – 'бездоказательное утверждение'). Это

служит ещё одним доказательством билатеральности знаковой сущности идиомы: десигнатор и десигнат связаны друг с другом процессами внутренней деривации.

Когнитивная сущность фраземосемиозиса. Десигнат (означаемое) – идеальный объект, обозначаемый данным устойчивым сочетанием слов; продукт отражения в языковом сознании обозначаемого предмета, качества или процесса реальной действительности. Как идеальная (внутренняя) сторона десигнат идиомы противопоставляется денотату – предметной (референтной, внешней) области познания – и отождествляется с «субъективным образом» как важнейшим стимулом формирования фраземопорождающего концепта. Десигнатор – хранящийся в языковой памяти акустический образ прототипического сочетания слов. Нередко в процессе фраземосемиозиса возникают достаточно парадоксальные десигнаторы, основанные на воображаемых ассоциативно-смысловых конфигурациях слов. Ср.: *вылетать в трубу* – ‘разоряться, оставаться совсем без денег или имущества’; *без царя в голове* кто – ‘глуповат, без соображения’. Кажется бы, такие десигнаторы в реальном мире лишены мотивированности. Однако, как утверждает Нельсон Гудмен в книге «Пути создания мира» [Гудмен, 2001], вымысел играет немаловажную (нередко – доминирующую) роль в моделировании тех пространств, которые Л. Витгенштейн назвал «возможными мирами». По сути же, вымышленные десигнаторы идиом выступают метафорическими репрезентаторами *реальных* объектов [Ярошук, с. 294]. Слово-сочетания *Дон Кихот* и *Дон Жуан*, например, в их фразеологизированном виде, в современном языковом сознании уже не привязаны узусом к какому-либо реальному (конкретному) человеку, хотя соотносимы с теми, кто оказался в соответствующей дискурсивной ситуации: *дон-кихот* – ‘благородный чудаков, пытающийся действовать сообразно своим убеждениям, без учета реальности’ [шутл.-ирон]; *дон-жуан* – ‘искатель любовных приключений, любитель женщин; бабник’. Такого рода отнесённость поддерживается реальным существованием литературных персонажей с именами *дон Кихот* или *дон Жуан*. Подобным образом обстоит дело и с десигнаторами нарицательного характера, перенесёнными в иносказательное дискурсивное пространство. Десигнатор *ветряные мельницы* правильно находит свой десигнат в сочетании с глаголом **воевать** (*воевать с ветряными мельницами* – ‘бороться с воображаемым противником, бесцельно тратить силы’). Кроме того, десигнат формируется всем смысловым содержанием соответствующего дискурса. Ср.: «*Дон Кихот, к примеру, если его взять буквально литературно, не приложим ни к кому конкретно. Но в переносном смысле сопоставим, среди прочих, например, со мной, в момент, когда я воюю с ветряными мельницами современной лингвистики*» [Гудмен, с. 56]. Следовательно, создавая возможные миры посредством идиоматики, мы, как правило, имеем в виду вполне реальные вещи. Поскольку такие десигнаторы наследуют, повторяют и переделывают реальные миры, последние вполне узнаваемы. По степени узнаваемости во фразеомообразовании следует разли-

чать (а) *полные* (мотивлируемые) и (б) *пустые* (нулевые, воображаемые) десигнаторы. Ср.: (а) *сесть на мель* кто, что – ‘оказаться в крайне затруднительном положении’; *гладить против шерсти* кто кого – ‘осуждать, критиковать’ и (б) *курам на смех* [делать что-либо] – ‘нелепо, глупо, несуразно, смехотворно’; *губа не дура* у кого – ‘у кого-либо недурной вкус’. Причём нулевые десигнаторы открывают более широкие возможности для когнитивно-стилистического варьирования смысловой структуры фразем. Так, идиома *курам на смех*, кроме кодифицированного значения, выражает ещё ‘пренебрежительное отношение к выполняемой работе, которая вызывает насмешку со стороны даже самого недалёкого человека’. Идиома *губа не дура* содержит коннотацию ‘неодобрения и иронии’, когда речь идёт о человеке, умеющем не просто выбрать, а отхватить для себя что-либо самое лучшее, красивое, вкусное, выгодное’. Дополнительные смысловые приращения возникает у фразем под воздействием на них дискурсивного фактора [Mosconi, p. 15], в частности прообраза обозначаемой ими денотативной ситуации. Ментальные прообразы, участвующие в формировании десигната и десигнатора знака-идиомы, мы называем предзнаками², или протознаками. Понять сущностные свойства десигнатора и десигната уже сформированной идиомы – значит ретроспективно уяснить тот диалектически сложный путь от предзнаковых структур к знаку, который она преодолела в процессе своего фраземосемиозиса как предикатного (характеризующего) знака.

Будучи, по сути своей, когнитивной категорией, десигнат содержит мыслительную идею (концепт), на базе которой формируется выражаемое фраземой значение. Поскольку «всякая мысль, – писал Л.С. Выготский, – стремится соединить что-то с чем-то» [Выготский, 1956, с. 376], то ретроспективная реконструкция фраземопорождающего концепта связана с осмыслением механизма лингвокреативного мышления, направленного на порождение новых языковых сущностей путём трансформации уже имеющихся единиц и оперирующего ассоциациями с ранее закрепленными в языке образами. Осмысление такого рода ассоциативно-образных связей побуждает нас обратиться к относительно недавно открытому *модулярному* устройству коры головного мозга (КГМ).

Данное открытие, принадлежащее Роджеру Сперри, является одним из основополагающих для разрабатываемой нами когнитивной теории косвенной номинации в целом и фразеомообразования в частности. Полученные в современной нейролингвистике данные дают основание полагать, что косвенно-производный характер фразеомообразования – результат сопряжения в лингвокреативной деятельности двух полушарий КГМ, являющихся двумя модусами познания мира³. Фразеомообразование, будучи продуктом лингвокреативного мышления, на наш взгляд, изначально связано с функциональной «игрой» речевого (левого) и предметно-образного (правого) полушарий. В процессе лингвокреативного мышления, направленного на поиск дискурсивно-модусных средств выражения оценочно-образного *отношения* к предмету мысли, двухполушарное устройство мозга само провоцирует коммуникантов

на «игру» с разными координатами модусного видения дискурсивной ситуации. Возможность такой игры изначально обеспечивается тем, что левое и правое полушария головного мозга опираются на разные семиотические системы. Для формирования необходимой составному знаку косвенно-производной номинации структурной асимметрии лингвокреативное мышление всецело базируется на принципах семиотической гетерогенности левого и правого полушарий. Это обуславливается тем, что модулярное устройство мозга, его двойственная природа, даёт возможность дублировать внешнюю и внутреннюю информацию, что, собственно, и направлено на порождение дискурсивно-модусного концепта [Алефиренко, 2013, с. 8] и его основного репрезентанта – фраземы. Она является своего рода семиотическим продуктом того когнитивного диссонанса, который возникает при столкновении разных координат познания одной и той же сущности, когда чёткость левого полушария «разбивается» о диффузность и гештальтность правого. Это происходит из-за несовместимости левополушарной линейности, дискретности и правополушарной расплывчатости, принципиальной метафоричности. Можно сказать, сама структура мозга предоставляет фраземосемиозису как минимум две возможные «реальности»: право- и левополушарную. Причем каждая из виртуальных реальностей обладает своими принципами организации, приоритетами и семиотическими средствами [Тольдберг, с. 25]. Именно «альтернативно настроенные» полушария КГМ выработали у лингвокреативного мышления, порождающего фраземы, способность к двойному кодированию мыслей и чувств человека. Такого рода способность обязана своим появлением одному из главных когнитивных механизмов фраземосемиозиса – *рефлексии*, позволяющей говорящему не только контролировать направленность внимания, осознавать собственные мысли и ощущения, но и те ассоциативные преобразования, без которых немислимо возникновение фразем [Касьянова, с. 99]. Использование фраземосемиозисом закономерно возникающей связи между отдельными событиями, фактами, предметами и явлениями, отражёнными в сознании и закреплёнными в этноязыковой памяти, еще раз укрепляет позицию тех ученых, которые выражают сомнение в беспорности традиционного утверждения, что рефлексия обеспечивается исключительно левополушарными структурами. Современные исследования убеждают: во фраземосемиозисе не стоит недооценивать лингвокогнитивную роль правого полушария. Современные нейрокогнитивные исследования дают основание полагать, что левое полушарие обычно пользуется формальным принципом декодирования идиом. Ориентируясь на их компонентный состав фраземы, оно даёт, как правило, «несуразные» толкования, вызванные буквальным восприятием десигнатора фраземы. Правое же полушарие декодирует идиомы практически безошибочно (см.: [Черниговская, Деглин, с. 68]).

Для осуществления конструктивного диалога двух полушарий, направленного на фразеобразование, КГМ должна иметь оптимальный тонус⁴. При понижении тонуса лингвокреативность мышления понижа-

ется, а при его повышении происходит ассоциативно-образная вспышка языкового сознания. Она отключает вторичные отделы височной коры левого полушария, отвечающие за узуальную синтагматику, и активизирует задние отделы коры левого полушария, отвечающие за ассоциативно-смысловые связи между объектами денотативной ситуации, обозначающей идиомой.

На этом этапе решающую роль играет предвосхищение, или антиципация. В фазе эмоционального пика речевой деятельности правого полушария нередко возникают моменты неожиданного когнитивного диссонанса, который мгновенно устраняется ассоциативно-образными связями фраземопорождающего дискурса. Такое состояние КГМ возникает тогда, когда говорящий, не находя в синтагматическом поиске нужного знака, вынужден подключить правое полушарие с тем, чтобы заменить стилистически нейтральную лексику косвенно-производным знаком (фраземой или паремией типа *мало > кот заплакал*). Фраземопорождающий дискурс как форма порождения и существования оценочного смысла [Алефиренко, 2014, р. 32] в таком случае находится в состоянии ассоциативно-синтагматической турбулентности, которая устраняется антиципацией – предвосхищением концепта, породившего фразему.

Как видим, в порождении фраземы правое полушарие обнаруживает себя весьма активно, хотя многие поколения ученых были убеждены, что правое полушарие к речепорождению отношения не имеет. Благодаря исследованиям петербургских нейрокогнитологов, установлено, что правое полушарие отвечает за референциальную сторону коммуникации. В речемыслительном акте его работа наполняет фразеомоцентрическое высказывания конкретным предметным содержанием. Правополушарная грамматика затрагивает когнитивные пласты, лежащие под дискурсивным сознанием (см.: [Алефиренко 2009, с. 3]). Хотя доступ к ним открывают фразеомообразующие знаки, сами они, находясь практически в глубинах дискурсивного *под*сознания, авербальны. Они, если следовать за концепцией Н.И. Жинкина, хранят информацию в экстралингвальных кодовых системах – образах, схемах, абстрактных моделях, которые в своём единстве образуют универсальный предметный код (УПК).

Фраземосемиозис и внутренняя речь. Элементы УПК, расположенные в когнитивных глубинах правополушарных слоёв дискурсивного сознания, как раз и хранят информацию, которая, нуждается во фразеологическом кодировании. Именно эти слои образуют ту часть концептосферы [Ogneva, p. 1704], которая образуется особыми, фраземопорождающими, когнитивными структурами, которые мы называем дискурсивно-модусными концептами. С непосредственным участием правого полушария создаётся мысленная синтаксическая модель дискурсивно-модусного концепта, которая проецирует синтагматический контур десигнатора знака-идиомы. Его характер предопределяется «особым синтаксисом» внутренней речи, порождающим отрывочные,

фрагментарные, сокращенные структуры [Жинкин, с. 332]. Данное наблюдение, характерное для любого порождения речи, особенно актуально для фразеомобразования, поскольку многое в структурах десигната и десигнатора уже сформировавшейся идиомы остаётся имплицитным, формально не выраженным. Это объясняется, на наш взгляд, той синтаксической формой внутренней речи, которая участвует в порождении идиомы.

Для фразеомобразования конструктивными являются такие свойства *внутренней речи*, как (а) фрагментарность; (б) предикатность (когда опускается подлежащее, а также связанные с ним лексемы и остаются лишь предикаты); (в) формально-структурное редуцирование; (г) преобладание смыслового импликационала фраземы, совокупности её коннотативных сем, выраженных и скрытых, над значением (его денотативным компонентом – интенционалом). Особую идиоомобразующую роль играет последнее свойство. Поскольку смыслы фразеомобразующих слов, значительно динамичнее и шире, чем их значения, при фразеомобразовании обнаруживаются, порой, алогичные механизмы их объединения и слияния друг с другом. Именно они позволяют «приводить к общему знаменателю» даже трудно уловимые ассоциативно-метафорические отношения сем в структуре десигната фраземы и соотносить их с её десигнатором.

Выделенные свойства внутренней речи определяют также и дискурсивно-прагматическую природу идиом. Полагаем, она, прежде всего, зависит от предикатности внутренней речи. По данным Л.С. Выготского, отличительной синтаксической чертой внутренней речи является «чистая и абсолютная предикативность», которая, собственно, и приводит в процессе идиоматизации фразы не только к элиминации подлежащего и связанных с ним слов, но и сопутствующих обстоятельств: *делать из мухи слона* кто – ‘непомерно и необоснованно преувеличивать что-либо’. При этом сохраняются те дискурсивно-прагматические смыслы, которые создают самобытную ауру фразеологического значения. Так, в нашем примере значение фраземы сопровождается неодобрительной коннотацией. Поэтому в словарной статье обычно делается примечание: *говорится с неодобрением*. Кроме того, противопоставление мухи слону подчеркивает, что речь здесь идет о придании мелким неприятностям и неудачам непомерной масштабности. Налицо взаимодействие правополушарного субъективного кода и естественного языка, благодаря которому коммуниканты получают возможность думать не словами, а намеками на них. И возможность эта совсем не мифическая, поскольку предзнаковыми средствами фразеомобразования выступают схемы-образы [Кузьмина, с. 26 –32] предметно-изобразительного кода. Опираясь на фрагментарную структуру внутренней речи, лингвокреативное мышление воплощает в структуре десигнатора не все элементы ассоциативно-образных связей, а только основные, дискурсивно значимые. Поскольку основным элементом мысли является предикат, то именно он делегируется внутренней речью в качестве структурной до-

минанты десигнатора идиомы. Кроме этого, преобладание во внутренней форме сугубо субъективного смысла, метафорически отражающего личностный и этнокультурный опыт человека [Александрова, с. 53], обеспечивает господство в семантике фраземы оценочно-модусного смысла. Не поэтому ли наиболее устойчивая часть когнитивной метафорики (того метафорического мира, в парадигмах которого существует та или иная этнокультура) представлена идиоматикой?

Как показывают наблюдения, при повышении ассоциативно-образного тонуса фраземы предикатность только усиливается, поскольку расширяется дистрибуция метафоризирующего предиката. Причем таким свойством (в том числе свойством участвовать в действии) в большинстве случаев наделяются реалии, которые не входят в область определения предиката. Ср.: 'интриги' ↔ *мышинная возня* – 'мелкие недостойные дела' (явный неодобрительный смысл); 'наказать' ↔ *намылить шею* кому – 'проучить, побить' (оттенок угрозы или неодобрения). Используемая в таких случаях когнитивная метафора «схватывает» сходство *тематической* денотативной ситуации с реалиями, входящими в область *ремы*. Этим, собственно, и объясняется, почему большая часть фразем являются предикатными и обстоятельственными знаками, которые расчитаны на понимание «с полуслова», «с намека».

Следствием максимального упрощения синтаксического построения фраземы является «абсолютное сгущение мысли» [Жинкин, с. 343]. Коммуниканты, использующие фразему, твердо знают, о чем идет речь. Поэтому указание на «тему» сообщения уже «изначально» включено во внутреннюю речь и не нуждается в специальном обозначении. Фраземой остается обозначить то, что именно следует сказать о данной теме (т. е. определить и раскрыть «рему» высказывания). Вот почему предикатность является важнейшей отличительной особенностью внутренней речи. Собственно, внутренняя речь – это речевое действие, перенесенное «вовнутрь», производимое в свернутой, редуцированной форме для решения когнитивно-дискурсивной задачи. Сжатость синтаксического контура фраземы компенсируется работой правого полушария, где мысль зарождается в виде системы образов и гештальтов. Это как раз то, что И.Н. Жинкин называл универсальным предметным кодом. Косвенные доказательства этому содержат исследования американского нейрофизиолога Дж. Леви, опытным путем доказавшей, что при обработке информации в левом полушарии с помощью языка осуществляется анализ денотата, тогда как правое полушарие обрабатывает информацию целостно, не расчленив её. Правое полушарие в своей работе использует невербальные, образные компоненты и так называемые «внутренние слова».

Сходными вопросами занимаются петербургские нейролингвисты Т.В. Черниговская и В.Л. Деглин [Черниговская, Деглин, с. 68]. Опираясь на данные их исследований, можно предполагать, что во фразеобразовании правое полушарие не только осуществляет рецепцию денотативной ситуации, строит чувственный образ (иконическую модель

мира), но и включает этот образ в цепь дискурсивных процессов. Левое же полушарие, специализируясь на абстрагировании, выстраивает рациональную модель мира [Деглин, Балонов, Долинина, с. 41]. В русле их исследования возможно осмысление основных протознаковых средств фраземосемиозиса: фразеомобразование метафорического типа (*лезть в бутылку* прост., презр. – ‘горячиться; раздражаться; выходить из себя’) и метонимическое фразеомобразование (*дырявая голова* – ‘очень рассеянный, забывчивый человек’).

Таким образом, хотя аксиомой традиционной психолингвистики служит положение о том, что речевые центры КГМ расположены в левом полушарии, лингвокогнитивные исследования фраземосемиозиса позволяют говорить об особой активности в нём правого полушария. Именно здесь появляется замысел, который изначально возникает в виде диффузного гештальта, порождаемого смутными представлениями о цели и общем содержании продуцируемой дискурсом идиомы. На этом этапе говорящий лишь в самых общих чертах знает, о чем хотел бы говорить, но ещё не знает, какими речевыми структурами свой замысел реализует. Здесь же, в правом полушарии, замысел постепенно начинает обретать знаковый формат средствами УПК. Диффузный гештальт облекается в более или менее видимые контуры (образы, схемы, фреймы воображаемых ситуаций, внутренние слова).

На следующем этапе фраземосемиозиса важную протознаковую роль играет внутреннее слово. Внутреннее слово, являясь «живым процессом рождения мысли в слове», – процесс, «идущий извне внутрь, процесс испарения речи в мысль» [Выготский, 2008, с. 506]. Эта первая эмоционально окрашенная запись ещё не имеет четкой линейной структуры обычного десигнатора фраземы, поскольку в ней ещё отсутствуют звуковые образы его лексических компонентов. Назначение внутреннего слова в ином: организовать предназначенную для косвенной вербализации мысль.

Дальнейший этап запускает механизм перекодирования содержания мысли с УПК на реальный естественный язык. Этот процесс начинается также в правом полушарии. Здесь происходит «переодевание» мысли, её перевоплощение с использованием ресурсов правополушарной грамматики (появляются элементы структурирования на уровне тема-рематического членения, возникает интонация, подбирается для фраземосемиозиса свободно синтаксический прототип).

Итак, для понимания предзнаковых механизмов фразеомобразования важно то, что правое полушарие является носителем метафорического (архаического, мифологического, «комплексного») сознания [Цаплин, с. 97]. Оно «помнит» идиомы и, пользуясь целостным, комплексным, гештальтным восприятием, участвует в дешифровке когнитивных метафор.

Идиома как продукт двойного семиозиса. Параллельное сосуществование в сознании первичных и вторичных концептов требует так называемого двойного семиозиса, или, в терминологии Э. Бенвени-

ста, двойного означивания. Фразеомобразующий потенциал двойного означивания, на наш взгляд, связан с возникновением предзнаковых и собственно знаковых форм фраземосемиозиса. Язык, согласно Э. Бенвенисту, обладает уникальной способностью к двойному означиванию – семиотическому и семантическому [Бенвенист, с. 88 – 89]. Такая двуплановость свидетельствует о гетерогенности (неоднородности) семиотических процессов, ведущих к фразеомобразованию. В этой связи следует различать предзнаковую и знаковую (символическую) разновидности означивания.

Предзнаковыми формами форматирования знания как на этапе порождения фразеомцентрического высказывания, так и на этапе его восприятия служат УПК, внутренняя форма фраземы и гештальт. Возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации, содержащейся во фразеомобразующей базе, необходимо для формирования смысловой структуры идиомы. В принципе, процесс синтеза с помощью слов ранее воспринятых впечатлений науке достаточно хорошо известен. Этого нельзя сказать о процессе комбинаторного формирования лингвокреативного по своему происхождению концепта, предполагающего косвенно-производную репрезентацию в виде фразем. Его понимание осложняется, как нам представляется, не до конца разгаданной нейрокогнитивной спецификой самого лингвокреативного мышления. Опирается этот процесс на механизмы «правополушарного мышления», когда возникает потребность во включении личностного осмысления в систему общественного знания. Такая необходимость появляется тогда, когда человеку важно соотнести результаты собственного познания с уже сформированной в данной этнокультуре системой знаний (ср.: [Bragina, Orarina, Sandomirskaja, 1998]). Это, разумеется, стремительно повышает роль знаковых опосредователей. Здесь весьма перспективной может оказаться гипотеза Н.И. Чуприковой (1985) о психофизиологических механизмах сознания.

Опираясь на теорию семантических вербальных связей, или семантических моделей вербальной памяти, автор выделяет *структурный и динамический аспекты сознания*. *Структурный* – это «более или менее упорядоченная отражательно-знаковая система, складывающаяся в мозгу каждого человека в процессе его жизни» [Чуприкова, с. 150]. Под динамическим аспектом понимаются «отдельные акты осознания внешних и внутренних воздействий, которые осуществляются на основе базовых элементов языка и структур отражательно-знаковой системы» [Там же, с. 151]. По мнению Н.И. Чуприковой, динамический аспект работы сознания находит свое выражение «в форме суждений». В процессах косвенно-производной номинации отражательно-знаковая система динамического аспекта сознания как раз и опирается на предзнаки. В результате неоднократного повтора многочисленных предшествующих динамических актов осмысления действительности складывается структурная форма сознания – устойчивая система временных нервных связей, представляющая собой сложно структурированную систему

долговременной памяти. Она выступает своего рода канвой для лингвокреативного мышления, которое, в свою очередь, модифицируя и обогащая эту канву, формирует дискурсивно-модусные предзнаки. Они-то и формируют те гештальты-прототипы, в симультанном (предметно-образном) поле которых затем выделяются мотивирующие признаки, стимулирующие возникновение внутренней формы фраземы. С помощью удачно выбранного прототипа фраземы гораздо быстрее и эффективнее происходит процесс выделения раздражителей, облегчается их узнавание и запоминание, возникают физиологические условия, необходимые для *второсигнального замыкания предзнаковых связей*. Всё это является решающим фактором, обеспечивающим образование новых ассоциативно-образных связей. Поскольку эти связи закрепляются ещё в детстве, идиоматика родного языка становится «естественным» достоянием дискурсивного сознания, осваивается им без явно ощутимых усилий. Данное положение восходит к идее «прорастания слова в сознание». Её в своё время выдвинул Л. С. Выготский. Затем эту идею развивали его последователи, прежде всего А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец.

«Прорастание в сознание идиомы» обусловливается сопряженностью образного и знакового мышления. В развитие мысли В.С. Ротенберга о нецелесообразности жесткого противопоставления знакового и образного мышления [Ротенберг, Бондаренко, с. 158), следует предположить, что фразеомобразующая комбинаторика лексем не является исключительно функцией знакового мышления, также как возникновение дискурсивно-модусного концепта – только функцией образного мышления. Специализация этих двух механизмов [Levy, p. 614] лингвокреативного мышления состоит лишь в способе переработки информации. Благодаря знаковому мышлению в процессе фразеомобразования происходит преобразование симультанной информации в линейную. Образное мышление обеспечивает лингвокреативному мышлению не референтное (конкретно предметное), а панорамное видение дискурсивной ситуации одновременно в нескольких «смысловых плоскостях». Фраземосемиозис же интегрирует продукты образного (предзнакового) и знакового мышления в их синергетическом единстве.

Внутреннее программирование фраземосемиозиса. Для понимания механизма заключительного этапа фразеомобразования важно разграничивать понятия «внутренняя речь» и «внутреннее программирование речевого высказывания» [Леонтьев, 1969]. Это связано с тем, что общий дискурсивный замысел стремится в конечном итоге к вербальному воплощению, проходя при этом разные этапы превращения личностного смысла в значение фраземы. Этому превращению предшествует потребность человека выразить свои эмоции, влечения и побуждения, то, что составляет суть мотива фраземосемиозиса. При порождении фраземы мотив – начало начал, а при её восприятии – конечная цель.

Для появления мотивации превращения мысли во фразему необходимы два условия: а) оптимальный тонус КГМ и б) возникновение замысла (именно он, проходя стадию внутренней речи, побуждает линг-

вокреативное мышление к фразеомообразованию). Это оказывается возможным благодаря тому, что лингвокреативное мышление нуждается в той «подготовительной работе», которую выполняет для него внутренняя речь. Дело в том, что внутренняя речь – результат длительной эволюции дискурсивного сознания. Во внутренней речи осуществляется интериоризация речевого действия, осуществляемого в свернутой, редуцированной форме. Свернутость колеблется между двумя полюсами: на одном полюсе – внутренняя речь, сопровождаемая внутренним проговариванием свободно синтаксического прототипа фраземы, на другом полюсе – максимальное его редуцирование вплоть до «выпадения из интеллектуального акта и превращение его в простой рефлекторный акт» [Леонтьев, с. 158]. Ср.: *Не выметай из избы сору к чужому забору > выносить (выметать) сор из избы. Мало ль чего хочется, да в кармане колется > и хочется и колется. Хоть волком вой, да песню пой > хоть волком вой.*

Внутреннее программирование фраземосодержащего высказывания заключается пока в неосознаваемом построении его схемы, обусловленном дискурсивным мышлением (ср.: [Леонтьев, с. 158]). Механизм лингвокреативного мышления, лежащего в основе фразеомообразования, состоит из двух противоположных динамических звеньев – работающего предметно-изобразительного кода (внутренней речи) и речедвигательного кодирования (экспрессивного внешнеречевого конструирования десигнатора). В первом звене мысль задается, во втором – она передается и снова задается для первого звена.

Отбор фразеомообразующих компонентов (внешней формы идиомы) определяется составляющими фразеомообразующего концепта: а) эмоциональным компонентом ситуации, б) рациональной оценкой [Бабушкина, с. 495], в) стереотипными связями в рамках ассоциативно-вербальной сети, связанными с опытом вербализации сходных экстралингвистических ситуаций.

Начальным этапом дискурсивного мышления, направленным на формирование фраземы, служит действие с предметами или, так называемое, «предметное действие». Здесь, по данным С.Л. Рубинштейна, сосредоточивается «первоначально самый освещенный, наиболее интеллектуализированный участок сознания» [Рубинштейн, с. 337]. Оно (действие с предметами) на ранних этапах фраземосемиозиса удерживает образ той денотативной ситуации, которая лежит в основе косвенно-производной номинации. Так, во времена парусного флота корабли на море всецело зависели от погоды, точнее от направления ветра. В штиль парусá никли, корабль терял скорость. Попутный ветер надувал пруса и придавал судну ускорение. В этой повторяющейся ситуации стабилизировался предметно-действенный образ: рулевой держит нос корабля в соответствии с направлением ветра, постоянно меняя для оптимального движения судна его вектор. Связанное с этим предметное действие со временем приобрело обобщенно-образный характер: чтобы удерживать нос корабля в нужном скоростном режиме, нужно следить

за направлением ветра. Как убеждает анализ, к первому этапу фраземосемиозиса применима перифраза суждения О. Мандельштама, высказанного в отношении слова: «Фразема – плоть деятельная, разрешающаяся в событие» [Мандельштам, с. 59].

На *втором этапе* происходит постепенное обособление образа от конкретного действия: вырабатывается некоторая совокупность представлений, генетически связанных с действием, но уже более или менее самостоятельных. При этом происходит, согласно теории А.Н. Портнова, разделение известных образов на *схемы действий и схемы предметов* [Портнов, с. 18]. По мере интериоризации они превращаются в основу того, что Н.И. Жинкин называет универсальным предметным кодом (УПК). По сути дела, такой код является средством представления любых жизненных ситуаций, соотношений предметов, действий с ними и т. п. В нашем случае предметно-действенный образ *держат нос по ветру* стал применим к любой жизненной ситуации.

После этапа внутреннего программирования фраземосемиозис переходит в фазу внутренней речи, где мысль, подлежащая косвенно-производной вербализации, выражается на языке внутренней речи. Таким языком служит невербальный универсально-предметный код, единицами которого служат концепты. Для их вербальной репрезентации когнитивная метафора, используя свои ассоциативно-образные возможности, ведет поиск подходящий фраземосемиозису свободно синтаксический прототип. Это свидетельствует о том, что фраземопорождающие концепты, хотя и принадлежат универсально-предметному коду, являются своего рода амальгамой предметно-образного и естественного языка.

Понимание протOVERбального характера внутренней речи, через которую формируются внутренняя и внешняя формы фраземы, ставит ряд новых вопросов. В частности, если протOVERбальный код универсален, каким является фраземопорождающий концепт (ср.: [Абишева, 2012]) – национальным или общечеловеческим? Является ли протOVERбальный код фраземопорождения адекватным отражением денотативной ситуации? Асимметрические сдвиги в виде фразеологической игры слов возникают на вербальном или протOVERбальном уровне? Если на уровне вербализации, то почему идеальное мышление рождает неидеальную внешнюю форму фраземы? Если на протOVERбальном уровне – то в какой степени его можно считать универсальным? Все эти вопросы призвана решать находящаяся в стадии становления когнитивная фразеология [Кириллова, с. 33 – 37]. Разумеется, без оптимального междисциплинарного сопряжения возможностей лингвистики и когнитивной науки эти задачи не решить. Более того, попытки лингвистов самостоятельно решать задачи когнитивной науки и наоборот могут оказаться, увы, деструктивными. Обратимся к сведениям, которыми располагает когнитивистика.

В 1984 г. Б.И. Беспалов установил, что визуальное и вербальное мышление тесно сопряжены, поскольку (а) в основе манипулирования образами и словесной игры лежат одни и те же жизнесмыслы; (б)

границы между наглядно-действенными, предметными и вербальными значениями весьма условны. Ведь внутренняя форма фразеомобразующих слов взаимодействуют не только между собой, но и с внутренними формами фразеомобразующих концептов в рамках УПК.

УПК не произносим. Вместо некой последовательности знаков естественного языка, здесь имеются только изображения, образующие что-то вроде схематического фрейма, прообраза фразеосхемы [Попова, с. 166]. Поэтому такой код называют ещё предметно-схемным. Когда мы представляем себе некий предмет (например, седло), то независимо от буквенного или звукового состава, мы имеем в виду саму вещь как предмет мысли, который может порождать множество дискурсивных ситуаций. Например, мысль о том, как смотрится седло на верховой лошади или о том животном, с образом которого седло не соотносится, создаёт парадоксальную денотативную ситуацию. При попытке её вербализации возникает фразеологическая игра слов: *как корове седло <пристало, идёт, сидит, смотрится>* кому, что (прост., ирон., неодобр.) – ‘о чем-либо, что совершенно не идёт, не к лицу или не годится, что делает человека смешным и нелепым’. УПК является «языком» внутренней речи. А так как этот «язык» состоит не только из предметных образов, но также из схем, отголосков интонации и «теней» отдельных слов – всего того, что когда-то было запечатлено языковой памятью, внутренняя речь, играющая, согласно Выготскому, роль «мысленного черновика», способна проецировать предзнаковые структуры фраземы. Они служат теми мыслительными фрагментами, на основе которых формируется десигнат фраземы. Сама же внутренняя речь таким выступать не может, поскольку её предметно-схемный код, хотя и называется изобразительным, не является конкретным образом. Он, скорее, образная схема, выполняющая роль посредника между фраземой и обозначаемой денотативной ситуацией.

Поскольку во внутренней речи связи между предметами мысли не формальные, а смысловые, на этом этапе фразеомобразования происходит синтагматическое сцепление слов и ассоциативный поиск связи между представлением о вторичной денотативной ситуации [Бабина] и образами протипического дискурса. Так, представление о ситуации, в которой кто-либо в чем-либо даёт или получает отказ, ассоциируется с образами запечатлённого в памяти фрейма [Ромашина, с. 122]: по древнему обычаю, если приехавшим от нежеланного жениха отказывали в сватовстве, их не пускали в дом, и они вынуждены были поворачивать от ворот. Столь безрадостный сценарий послужил образным прототипом для возникновения десигнатора фраземы *от ворот поворот* и её десигната ‘дать/получить категорический отказ’. Причем процесс преобразования УПК (или предметно-схемного кода) в десигнат фраземы опосредуется формированием когнитивного субстрата будущего фразеологического значения – дискурсивно-модусного концепта. В его формировании непосредственное участие принимает знаковое мышление, использующее единицы свободно синтаксического прототипа,

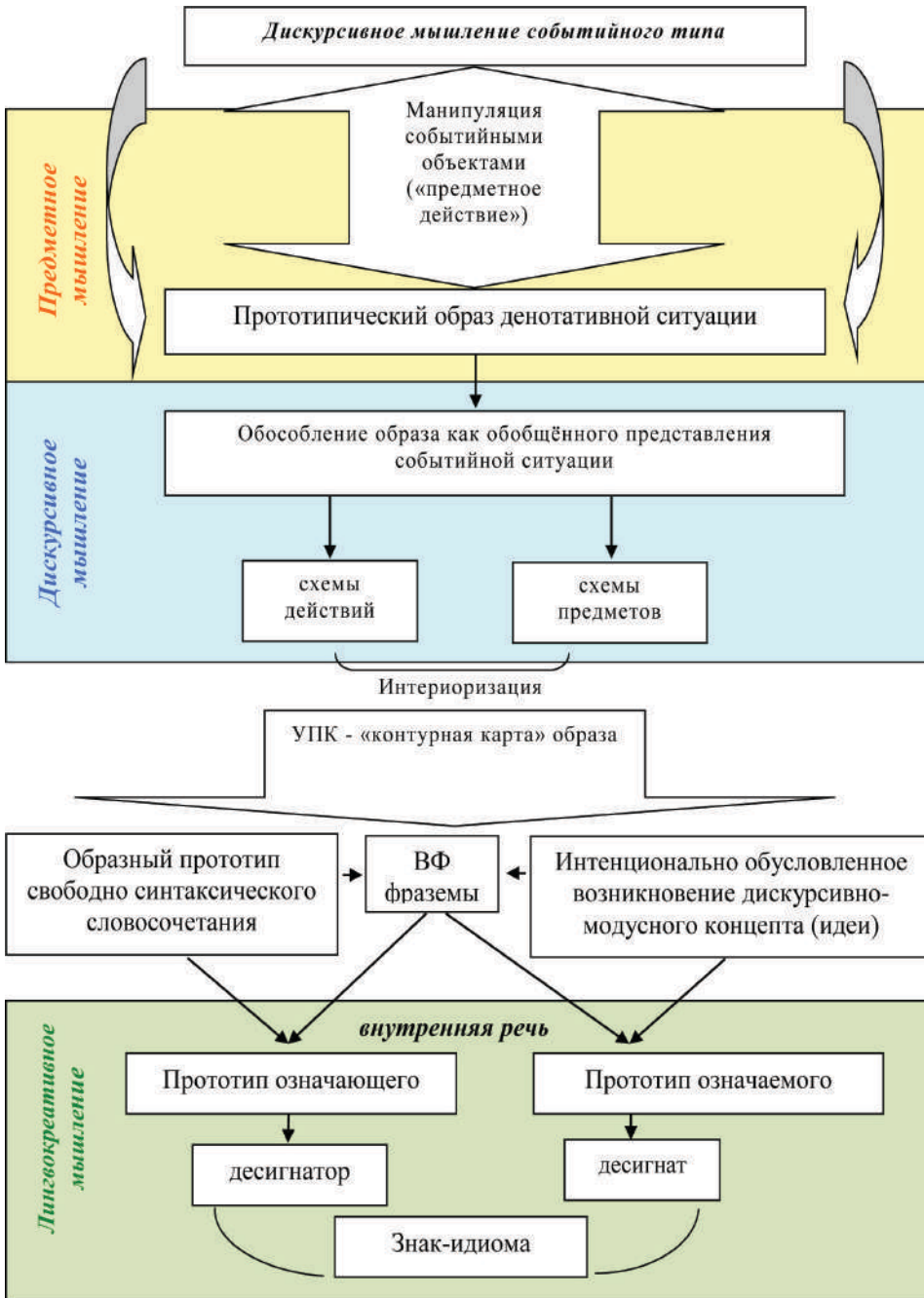

обозначающие фоновые образы, и в силу этого выступающими потенциальными прототипами фраземы. Иначе говоря, когнитивные и прямо номинативные прототипы служат средством выработки дискурсивно-модусного концепта – того субъективного кода, который затем переводится на язык косвенно-производной номинации. Осуществляется такой переход не просто переосмыслением значений фраземообразующих лексем, а полным преобразованием их смыслового содержания, деструктуризацией их семного состава. Глубина преобразования фраземообразующих лексем обуславливается характером ассоциативно-смысловой интерпретации дискурсивно-модусного концепта, векторы которой определяются интенциональным полем коммуникации. Именно её интенциональность побуждает к преобразованию речевых структур в знаки непрямой (вторичной и косвенной) номинации.

Итак, когнитивный механизм фраземообразования состоит из двух противостоящих динамических фаз: а) УПК (предметно-изобразительного кода внутренней речи) и б) лингвокреативного структурирования десигната и десигнатора знака-идиомы (схема). На первом этапе мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Взаимодействия предметно-изобразительного кода и переносных механизмов естественного языка служат не только порождению, но и пониманию фразем.

Заключение. Фраземосемиозис – продукт лингвокреативного мышления, использующего механизм «внутримозгового диалога» между правым и левым полушариями мозга, продуцирующий протознаковые (образные) и знаковые стимулы порождения фразем. Протознаковые средства, к которым относится предметно-изобразительный код, дискурсивно-модусный концепт и внутренняя форма, обуславливаются деятельностным характером фраземосемиозиса, содержащим в себе также элементы памяти и предвидения [Шамнеи соавт., с. 34]. Без предвидения, без цели оно не может начаться, без памяти оно не может закончиться, без оценки и контроля оно лишь случайно может быть эффективным. Действие не только связывает между собой настоящее, прошлое и будущее, но и создает собственное время. Для знаков косвенной номинации это чрезвычайно важный фактор, поскольку помимо когнитивных, созидательных, продуктивных (и разрушительных) свойств, действие обладает и аффективными свойствами.

Когнитивно-дискурсивные элементы, участвующие во фраземопорождающих процессах лингвокреативного мышления, достаточно гетерогенны, не ограничивающиеся пределами дихотомии «образ – понятие». Они представляют членимые фрагменты предметно-чувственного и дискурсивного опыта в их самой разнообразной конфигурации, имеющие разную степень возбуждения в ассоциативно-вербальной сети и структуре долговременной *семантической* и эпизодической памяти. В результате возбуждения протознаковых факторов фраземосемиозиса семантическая память получает дополнительную возможность для экспликации внутренних элементов репрезентируемой фраземой денота-

Дискурсивно-когнитивная модель фраземосемиозиса

тивной ситуации, а эпизодическая память обретает способность удерживать знания о личностно значимых переживаниях. Оба типа памяти сохраняют в ассоциативно-вербальной сети все многообразие отношений между своими элементами – предзнаками фразеопорождающей дискурсивной деятельности.

Когнитивно-дискурсивные возможности предзнаковых механизмов фразеобразования позволяют вывести основополагающие понятия традиционной фразеологии на новый виток их осмысления уже с позиций когнитивных механизмов фраземосемииозиса. Возможно, такой подход позволит приблизиться к главной загадке фраземодеривации: формированию асимметрического отношения десигнатора (внешней формы, лексемного состава) фраземы к десигнату – её ценностно-смысловому содержанию.

Примечания

¹ В нём предпочтение отдаётся термину *фразообразование*, что вызывает нежелательные разночтения, поскольку фраза – термин синтаксический.

² Об онтологии предзнака см.: [Худяков, с. 182–201].

³ Присуждением 1981 г. Р. Сперри Нобелевской премии за учение о функциональной специализации левого и правого полушарий головного мозга человека определена непреходящая значимость данного открытия.

⁴ Термин *оптимальный тонус* КГМ ввел Отто Дейтерс [Deiters, 1865]. Механизм, обеспечивающий и регулирующий тонус, расположен ниже ствольных и подкорковых отделов. Устроен он по типу нервной сети. Возбуждение в нем, распространяясь, постепенно меняет свой уровень и, таким образом, моделирует состояние всего нервного аппарата. Оптимальная для фразеобразования активность системы регулируется поступающими раздражениями из внешней среды. Доказано, что речемыслительная деятельность человека нуждается в притоке информации. Активизируя приток ассоциативно-образной информации, КГМ обретает нужный для фразеобразования тонус. В этом типе ассоциативно-смысловой деривации важную роль играет выделенный А.Р. Лурия третий источник активации информации: намерения и программы, реализующиеся при непосредственном участии сначала *внешней*, а затем – *внутренней* речи.

Литература

Абишева К.М. К проблеме выделения фразеологического концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 34 – 43.

Александрова Е.В. Понимание фразеологизма как национально-культурной метафоры // Вopr. когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 53 – 58.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: «Элпис», 2008. 271 с.

Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса. Когнитивный и психолингвистический аспекты. Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ. 2009. С. 3 – 11.

Алефиренко Н.Ф. Смысл, модусные концепты и значение // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 8 – 14.

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Монография. Тамбов; Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 264 с.

Бабушкина О.Н. О специфике фразеологизма как средства репрезентации оценки // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 8. Проблемы языкового сознания. Москва; Тамбов. С. 495 – 496.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1956. 519 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М.: «Аст»; «Астрель», 2008. С. 506 – 508.

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 184 с.

Гольдберг В.Б. Отражение семиотического и концептуального этапов познания в образном сравнении // Вопр. когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 25 – 33.

Гудмен Н. Способы создания миров. М.: «Идея-пресс» – «Праксис», 376 с.

Даниленко В.П. Мемуар о предикато- и субъектоцентризме во фразообразовании // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. Серия Филология. 2009. № 2. С. 66 – 71.

Деглин В.Л., Баллинов В.Я., Долинина И.Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Текст и культура. Тр. по знаковым системам XVI. Тарту: ТГУ, 1983. С. 31 – 42.

Декатова К.И. Формирование комплекс-структуры как этап образования когнитивной базы значения знаков косвенно-производной номинации // Фразеология и когнитивистика. Материалы 1-й Междунар. конф.: в 2 т. Т. 2: Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород, 2008. С. 146 – 150.

Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис.... д-ра филол. наук. Тюмень, 2008. 51 р.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.

ИКЛ 2008. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 212 с.

Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект идиоматики (на материале фразеологии английского языка): дис.... д-ра филол. наук. М., 1992. 351 с.

Каплуненко А.М. О диалектических противоречиях в фразообразовании // Аспекты текста и предложения. Иркутск: ИГЛУ, 1985. С. 98 – 104.

Касьянова Л.Ю. Неофраземика в обновляемой картине мира. // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. конф.: в 2 т. Т. 1: Идиоматика и познание. Белгород, 2008. С. 99 – 103.

Кириллова Н.Н. О предмете когнитивной фразеологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. конф.: в 2 т. Т. 1: Идиоматика и познание. Белгород, 2008. С. 33 – 37.

Кузьмина С.Е. Концептуальное содержание структурной схемы SPADIR. (на материале английского языка) // Вопр. когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 26 – 32.

КФ 2013. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2013.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

Можалина К.Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Изв. Самарского науч. центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, №2(3). С. 680 – 685.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 р.

Молчкова Л.В. Порождение фразеологизма как выбор и комбинирование образных и формальных средств. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 83 – 90.

Николаева Т.М. Семантические дериваты в русском и других славянских языках // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 2006. Ч. 2. С. 87 – 93.

Попова З.Д. Фразеосхемы как знаки синтаксических концептов // Фразеология и когнитивистика. Т. 2: Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород, 2008. С. 166 – 170.

Портнов А.Н. Структура языкового сознания: феноменологический и антропологический аспекты проблемы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 18 – 28.

Ромашина О.Ю. Фреймовый анализ семантики эмоционально-звуковых фразеологизмов. // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1: Фразеология и познание. Белгород, 2008. С. 122 – 126.

Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. Функциональная асимметрия полушарий мозга, типы мышления и обучение // Мозг. Обучение. Здоровье. М.: Просвещение, 1989. С. 158 – 177.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997. 463 р.

Соколова Г. Г. Фразеобразование во французском языке. М.: Высшая школа, 1987. 144 с.

Телия В.Н. Русская фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996. 288 с.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. 269 с.

Телия В.Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. 86 с.

Ушакова Т.Н. Познание, речь, язык. Когнитивные исследования. Вып.1 / под ред. В.Д. Соловьёва. М., 2006. С.13 –27.

ФПК 2010. Фразеология, познание и культура: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.

Худяков А.А. Об онтологии предзнака // Язык как функциональная система: сб. статей. Тамбов, 2000. С. 182–201.

Цаплин В.С. Гипотеза о природе сознания и разумности на основе анализа человеческого языка и биологической эволюции // Вопр. когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 97 –104.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Учён. записки Тартуского ун-та. Тр. по знаковым системам. Тарту, 1986. Вып.19. С. 68 – 84.

Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функция мозга / отв. ред. Л.И.Анцыферова. М.: Наука, 1985. 200 с.

Шамне Н.Н., Петрова А.А. Ребрина Л.Н., Милованова М.В. Феномен памяти и категория пространства: гносеологический и коммуникативный статус // X Linguae. European Scientific Language Journal. 2014. Vol. 7. Issue 3. С. 32 – 48.

Щукина Г.О. Продуктивный способ идиоматической номинации // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 2. С. 110 – 112.

Ярошук И.А. Когнитивно-прагматическое своеобразие фразеологизированной метафоры // Фразеология, познание и культура. Белгород: БГУ, 2010. С. 294 – 298.

Alefirenko N.F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory // X Linguae. European Scientific Language Journal. 2014. Vol. 7. Issue 2. P. 32 – 45.

Deiters O.F.K. Untersuchungen über Gehirn und Rückenmarks des Menschen und der Saugethiere. Brunswick, 1865.

Eismann W. (Hrsg.). Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) // Eurofras 95. Europaeische Phraseologie im Vergleich: German-sames Erbe und kulturelle Vielfalt. Bochum: Brockmeyer, 1998. S. 28 – 41.

Fink Z., Kovacevic B., Hrnjak A. Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i strucnim radovima. Zagreb: Knjigra, 2010. 814 s.

Levy J. Possible basis for the evolution of lateral specialization of the human brain // Nature. 1969. Vol. 229. № 3. 5219. P. 614 – 615.

Mokienko V. As imaxes da lingua rusa. Ensaaios historicos, etimoloxicos e etnolinguisticos sobre fraseoloxia. Xunta de Galicia, 2000. 380 p.

Mosconi G. Il pensiero discorsivo. Torino, 1979. 302 p.

Jakop N., Tomazin M.J. Frazeološka simfonija. Sodobni pogledi na frazeologijo Ljubljana Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2013. 283 p.

Ogneva H.A. Interpretative Potential of Cognitive-Comparative Modeling of Fiction Conceptsphere // US-China Foreign Languages. Nov. 2012. Vol. 10, № 11. David Publishing Company, USA. P. 1704-1714.

Telya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya, I. Phraseology as a Language of Culture: It's Role in the Representation of a Cultural Mentality // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / Ed. by A.P. Cowie. Clarendon Press, Oxford, 1998. P. 54 – 75.

References

Abisheva K.M. K probleme vy`deleniia frazeologicheskogo kontcepta. *Voprosy` kognitivnoi` lingvistiki*, 2012, no 2, pp. 34 - 43. (In Russ.).

Alexandrova E.V. Ponimanie frazeologizma kak natsional`no-kul`turnoi` metafory`. *Voprosy. kognitivnoi` lingvistiki*, 2014, no. 3, pp. 53–58. (In Russ.).

Alefirenko N.F. *Frazeologiya v svete sovremenny`kh lingvisticheskikh paradigm*. M.: «E`lpis», 2008. 271 p. (In Russ.).

Alefirenko N.F. Diskursivnoe soznanie: sinergetika iazy`ka, poznaniia i kul`tury`. *Iazy`kovoe by`tie cheloveka i e`tnosa. Kognitivny`i` i psiholingvisticheskii` aspektu`*, vy`p. 15. Moskva: INION RAN, MGLU, 2009, pp. 3–11. (In Russ.).

Alefirenko N.F. Smy`sl, modusny`e kontcepty` i znachenie. In: *Vestnik Cheliab. gos. un-ta*, 2013, no. 31 (322). *Filologiya. Iskuststvedenie, vy`p. 84*, pp. 8 – 14. (In Russ.).

Babina L.V. *Kognitivny`e osnovy` istorichny`kh iavlenni`v iazy`ke i rechi. Monografiia*. Tambov; Moskva: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2003. 264 p. (In Russ.).

Babushkina O.N. O spetsifike frazeologizma kak sredstva reprezentatsii ocenki. *Kognitivny`e issledovaniia iazy`ka. Vy`p 8. Problemy` iazy`kovogo soznaniia*. Moskva; Tambov. 2011, pp. 495 – 496. (In Russ.).

- Benvenist E. *Obshchaia lingvistika*. M.: Progress, 1974. 448 p. (In Russ.).
- Vy`gotskii` L.S. *Izbranny`e psikhologicheskie issledovaniia*. M.: Izd-vo Akademii ped. nauk RSFSR, 1956. 519 p. (In Russ.).
- Vy`gotskii` L.S. My`shlenie i rech`. *Psikhologii my`shleniia*. Pod red. Yu.B. Gippenrei`ter i dr. M.: «Ast»; «Astrel`», 2008, pp. 506 – 508. (In Russian).
- Gvozdev Iu.A. *Osnovy` russkogo frazooobrazovaniia*. Rostov n/D: RGU, 1977. 184 p. (In Russ.).
- Gol`dberg V.B. Otrazhenie semioticheskogo i kontseptual`nogo e`tapov poznaniia v obraznom sravnenii // *Vopr. kognitivnoi` lingvistiki*. 2015, no 1, pp. 25 – 33. (In Russ.).
- Gudmen N. *Sposoby` sozdaniia mirov*. M.: «Ideia-press» – «Praksis», 376 p.
- Danilenko V.P. Memuar o predikato- i sub``ektocentrizme vo frazooobrazovani. *Vestn. Irkutskogo gos. lingv. un-ta. Seriiia Filologiiia*. 2009, no. 2, pp. 66 – 71. (In Russ.).
- Deglin V.L., Ballnov V.Ia., Dolinina I.B. Iazy`k i funktsional`naia asimmetriia mozga. *Tekst i kul`tura. Trudy` po znakovy`m sistemam KHUI*. Tartu: TGU, 1983, pp. 31 – 42. (In Russ.).
- Dekatova K.I. Formirovanie kompleks-struktury` kak e`tap obrazovaniia kognitivnoi` bazy` znacheniiia znakov kosvenno-proizvodnoi` nominacii. *Frazeologiiia i kognitivistika. Materialy` 1 Mezhdunarodnoi` konferencii. V 2-kh t. T. 2: Idiomatika i kognitivnaia lingvokul`turologiiia*. Belgorod, 2008, pp. 146 – 150. (In Russ.).
- Ermakova E.N. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. Tiumen`, 2008. 51 p. (In Russ.).
- Zhinkin N. I. *Rech` kak provodnik informatcii*. M.: Nauka, 1982. 157 p. (In Russ.).
- ICL 2008. Idiomatika i kognitivnaia lingvokul`turologiiia. Sb. *Nauch. trudov po materialam mezhdunarodnoi` nauchnoi` konferencii*. Belgorod: Izd-vo BelGU. 2008. 212 p. (In Russ.).
- Kaplunenko A.M. *Istoriko-funktsional`ny`i` aspekt idiomatiki (na materiale frazeologii anglii`skogo iazy`ka)*: dis.... d-ra filol. nauk. M., 1992. 351 p. (In Russ.).
- Kaplunenko A.M. O dialekticheskikh protivorechiiakh v frazooobrazovanii // *Aspekty` teksta i predlozheniia*. Irkutsk: IGLU, 1985, pp. 98 – 104. (In Russ.).
- Kasuianova L.Yu. Neofrazemika v obnovliaemoi` kartine mira. In: *Frazeologiiia i kognitivistika: Materialy 1-i` Mezhdunar. konf. V 2-kh tt. T. 1. Idiomatika i poznanie*. Belgorod, 2008, pp. 99 – 103. (In Russ.).
- Kirillova N.N. O predmete kognitivnoi` frazeologii. *Frazeologiiia i kognitivistika. Materialy 1-i` Mezhdunar. konf. V 2 tt. T. 1. Idiomatika i poznanie*. Belgorod, 2008. S. 33 – 37. (In Russ.).
- Kuz`mina S.E. Kontseptual`noe sodержanie strukturnoi` skhemy` SPADIR. (na materiale anglii`skogo iazy`ka). *Vopr. kognitivnoi` lingvistiki, 2011*, no. 3, pp. 26 – 32. (In Russ.).
- KF 2013. Kognitivny`e faktory` vzaimodei`stviia frazeologii so smezhny`mi distsiplinami: sb. nauch. trudov po materialam mezh. nauch. konf. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2013.
- Leont`ev A.A. *Iazy`k, rech`, rechevaia deiatel`nost`*. M.: Prosveshchenie», 1969. 214 p. (In Russ.).
- Mandel`shtam O. E`. *Slovo i kul`tura: Stat`i*. M.: Sovetskii` pisatel`, 1987. 320 p. (In Russ.).
- Mozhalina K.N. K opredeleniiu poniatiia «idioma» v otechestvennoi` i zarubezhnoi` lingvistike. *Izv. Samarskogo nauch. tsentra Rossii`skoi` akademii nauk*. 2011. T. 13, no 2(3), pp. 680 – 685. (In Russ.).
- Mokienko V.M. *Slavianskaia frazeologiiia*. M.: Vy`ssh. shk., 1980. 207 p. (In Russ.).

Molchkova L.V. Porozhdenie frazeologizma kak vy`bor i kombinirovanie obrazny`kh i formal`ny`kh sredstv. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia*. 2013. № 6. S. 83 – 90. (In Russ.).

Nicolaeva T.M. Semanticheskie derivaty` v russkom i drugikh slavianskikh iazy`kakh. *Iazy`k. kul`tura. kommunikatsiia: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* Volgograd, 2006. Ch. 2, pp. 87 – 93.

Popova Z.D. Frazeoskhemy` kak znaki sintaksicheskikh kontseptov. *Frazeologii i kognitivistika. T. 2. Idiomatika i kognitivnaia lingvokul'turologiia*. Belgorod, 2008, pp. 166 – 170. (In Russ.).

Portnov A.N. Struktura iazy`kovogo soznaniia: fenomenologicheskii` i antropologicheskii` aspekty` problemy`. *Iazy`kovoie soznanie: teoreticheskie i prikladny`e aspekty`*: Sb. statei`. Moskva; Barnaul: Izd-vo Altai`skogo un-ta, 2004, pp. 18 – 28. (In Russ.).

Romashina O.Yu. Frei`movy`i` analiz semantiki e`motcional`no-zvukovy`kh frazeologizmov. In: *Frazeologii, poznanie i kul`tura. Sb. docladov 2-i` Mezhdunarodnoi` nauchnoi` konferentsii. V 2-kh tt. T. 1. Frazeologii i poznanie*. Belgorod, 2008, pp. 122 – 126. (In Russ.).

Rotenberg V.S., Bondarenko S.M. Funktsional`naia asimmetriia polusharii` mozga, tipy` my`shleniia i obuchenie. *Mozg. Obuchenie. Zdorov`e. M.*: Prosveshchenie, 1989, pp. 158 – 177. (In Russ.).

Rubinshtein S.L. *Izbranny`e filosofsko-psihologicheskie trudy`*. Moskva: Nauka, 1997. 463 p. (In Russ.).

Sokolova G. G. *Frazeobrazovanie vo frantsuzskom yazy`ke*. Moskva: Vy`sshaya shkola, 1987. 144 s. (In Russ.).

Teliia V.N. *Russkaia frazeologiiia v kontekste kul`tury`*. M.: Iazy`ki russkoi` kul`tury`, 1999. 336 p. (In Russ.).

Teliia V.N. Russkaia frazeologiiia. Semanticheskii`, pragmaticheskii` i lingvokul'turologicheskii` aspekty`. M.: Shkola «Yazy`ki slavianskoi` kul`tury`», 1996. 288 p. (In Russ.).

Teliia V.N. Tipy` iazy`kovy`kh znachenii`. Sviazannoe znachenie slova v yazy`ke. M., 1981. 269 p. (In Russ.).

Teliia V.N. *Chto takoe frazeologiiia?* M.: Nauka, 1966. 86 p. (In Russ.).

Ushakova, T.N. *Poznanie, rech`, iazy`k. Kognitivny`e issledovaniia*, Vy`p.1. Pod red. V.D. Solov`yova. M., 2006. P. 13 – 27. (In Russ.).

FPK 2010. *Frazeologiiia, poznanie i kul`tura: Sb. Nauch. trudov po materialom mezhdunar. nauch. konf.* Belgorod: Izd-vo BelGU, 2010. (In Russ.).

Hudiakov A.A. *Ob ontologii predznaka // Iazy`k kak funktsional`naia sistema: sb. statei`*. Tambov, 2000, p. 182-201. (In Russ.).

Tsaplin V.S. Gipoteza o prirode soznaniia i razumnosti na osnove analiza chelovecheskogo yazy`ka i biologicheskoi` e`voliutcii. *Vopr. kognitivnoi` lingvistikii*. 2014, no 4, pp. 97 – 104. (In Russ.).

Chernigovskaia T.V., Deglin V.L. Metaforicheskoe i sillogisticheskoe my`shlenie kak proyavlenie funktsional`noi` asimmetrii mozga. *Uchyony`e zapiski Tartuskogo un-ta, Trudy` po znakovy`m sistemam*. Tartu, 1986. Vy`p.19, pp. 68 – 84. (In Russ.).

Chuprikova N.I. *Psihika i soznanie kak funktsiia mozga*. Otv. redaktor L.I. Antcyferova. M.: Nauka, 1985. 200 p. (In Russ.).

Shamne N.N., Petrova A.A., Rebrina L.N., Milovanova M.V. Fenomen pamiaty i kategoriia prostranstva: gnoseologicheskii` i kommunikativny`i` status. *X Linguae. European Scientific Language Journal*. 2014, Vol. 7, Issue 3, pp. 32 – 48. (In Russ.).

Shchukina G.O. Produktivny`i` sposob idiomaticheskoi` nominacii. In: *Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova*. 2012, T. 18. no 2, pp. 110 –112. (In Russ.).

Iaroshchuk I.A. Kognitivno-pragmaticheskoe svoeobrazie frazeologizirovannoi` metafory`. *Frazeologija, poznanie i kul`tura*. Belgorod: BGU, 2010, pp. 294 – 298. (In Russ.).

Alefirenko N.F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory. *X Linguae. European Scientific Language Journal*. 2014, Vol. 7, Issue 2, pp. 32 – 45.

Deiters O.F.K. Untersuchungen über Gehirn und Rückenmarks des Menschen und der Säugethiere. Brunswick, 1865.

Eismann W. (Hrsg.). Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects). *Eurofras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: German-sames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Bochum: Brockmeyer, 1998. S. 28 – 41.

Fink Z., Kovacevic B., Hrnjak A. Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i strucnim radovima. Zagreb: Knjigra, 2010. 814 p.

Levy J. Possible basis for the evolution of lateral specialization of the human brain. *Nature*. 1969, v 229, no 3. 5219, pp. 614 – 615.

Mokienko V. As imaxes da lingua rusa. Ensaaios historicos, etimoloxicos e etnolinguisticos sobre fraseoloxia. Xunta de Galicia, 2000. 380 p.

Mosconi G. Il pensiero discorsivo. Torino, 1979. 302 p.

Jakop N., Tomazin M.J. Frazeološka simfonija. Sodobni pogledi na frazeologijo Ljubljana Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2013. 283 p.

Ogneva H.A. Interpretative Potential of Cognitive-Comparative Modeling of Fiction Conceptsphere. *US-China Foreign Languages*. Nov. 2012, Vol.10, no 11. David Publishing Company, USA. P. 1704-1714.

Telya V.,Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya, I. Phraseology as a Language of Culture: It's Role in the Representation of a Cultural Mentality. *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. Ed. by A.P. Cowie. Clarendon Press, Oxford, 1998. P. 54 – 75.

Nikolay F. Alefirenko (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation)

Phrasosemiosis as a Process of Linguacreative Thinking

The article deals with the problems of idiom production and interpretation, related to the presign forms emergence of information accumulation and storage, contained in cognitive-based derivation of idiom building. The author puts forward the idea that the presign stage of the semiosis process and idiom understanding is a cognitive model that precedes not only the formation of the idiom semantic structure but also its understanding. The fact that the cognitive model of phrasosemiosis is the diagram of discursive meaning embodiment and discourse itself is the form of its indirectly derivative existence stipulates the necessity to show how the cognitive-discursive mechanisms of idiom building are connected with presign forms of sense accumulation and storage.

It is suggested that the elements of the representational code, situated in the cognitive depth of the right semisphere layers of discursive cognition keep information which has to be coded tby means ofidioms. These very layers form the part of conceptual sphere which is constructed by special cognitive

structures which produce idioms. The author calls them discursive-modus concepts. A mental syntactic model of a discursive-modus concept which projects the syntagmatic outline of the designator of the idiom-sign is created with the direct involvement of the right hemisphere. The character of this designator is determined by the “special syntax” of the inner speech that produces sketchy, fragmentary, abbreviated structures. This conclusion is especially important for the explanation of idiom building because much in the structures of the designator and the designatum of already produced idioms stays implicit, not formally expressed.

Since senses of words participating in idiom building are more dynamic and wider than their meanings some illogical mechanisms of their uniting and blending with each other are sometimes revealed. They give the opportunity “to bring to a common denominator” even such associative-metaphorical relations of semes in the structure of the phraseological meaning which are difficult for perception.

Key words: *presign, representational code, mental model, inner form, sign, gestalt, idiom phraseme.*

Nikolay F. Alefirenko – Ph.D. of philology, honoured scientist of Russian Federation, professor of the Russian language and teaching methodology department. Belgorod State National Research University.

Phone: +7906-606-03-22; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru